

«КРУГЛЫЙ СТОЛ». СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ГЕНЕТИКИ В ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

За прошедший год в печати появилось несколько художественных произведений, посвященных одной тематике — истории советской генетики, которые вызвали огромный резонанс среди самой широкой общественности. Это повести В. И. Амлинского «Оправдан будет каждый час. Повесть об отце» (Юность. 1986. № 10—11), Д. А. Гранина «Зубр» (Новый мир. 1987. № 1—2) и роман В. Д. Дудинцева «Белые одежды» (Нева. 1987. № 1—4).

3 июня 1987 г. в Центральном доме литераторов им. А. А. Фадеева состоялось заседание «круглого стола», организованного нашим журналом совместно с Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «Философские и социальные проблемы науки и техники» и Союзом писателей СССР. Авторизованные тексты выступлений его участников — ученых и писателей — мы и предлагаем вниманию читателей.

Б. Г. Юдин (доктор философских наук, зам. главного редактора «Вопросов истории естествознания и техники»).

Нынешняя встреча литераторов и ученых представляется долгожданной и необходимой. Давно уже мы слышим о существовании двух разных культур — гуманитарной и естественнонаучной, и все понимают необходимость их сближения. Можно надеяться, что наша дискуссия будет шагом в этом направлении.

Тема сегодняшнего обсуждения определена почти одновременным выходом в свет художественных произведений, посвященных истории советской генетики, — я имею в виду повести В. Амлинского и Д. Гранина и роман В. Дудинцева. Из того, какое огромное внимание привлекли эти произведения, видно, что в широких кругах нашей общественности возник острый интерес к истории науки. В этой связи можно также вспомнить фильм о М. В. Ломоносове, собравший большую аудиторию телезрителей. Так или иначе, история науки становится полем общественных интересов.

Сегодня речь пойдет о событиях вполне определенного периода, имевших место в определенной области знаний. По поводу этих событий часто задают вопрос: а надо ворошить прошлое? Может быть, лучше все это забыть и жить по-новому? Мне представляется, что прошлое всегда с нами, и, как бы мы ни прятались от него, вылезти из него мы не можем, так как прошлое обладает способностью воспроизводить — и в настоящем. Болезни таким путем не излечиваются, а загоняются внутрь, и мигнувшие события становятся гириями на наших ногах, мешая двигаться вперед.

Я думаю, что наше сегодняшнее обсуждение позволит если не ответить на какие-то вопросы, то по крайней мере прояснить их. Не хотелось бы, чтобы эта дискуссия превратилась в сведение счетов. Намного важнее выявить тенденции 30—40-х годов, которые в силу их непроанализированности, того, что они не получили в дальнейшем достойного отрицания, продолжают действовать и сейчас. Я имею в виду, во-первых, явление монополизма в науке. Мы уже все знаем, что это плохо, но тем не менее такие явления воспроизводятся. И корни этого обнаруживаются в ситуациях тех лет.

Позволю себе привести цитату из доклада М. С. Горбачева на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Сославшись на мнение тех, кто опасается, что состязательность в сфере научных исследований будет вести к потерям вследствие распыления сил и дублирования, М. С. Горбачев сказал: «... опыт убедил нас в том, что монопольное положение отдельных организаций тормозит научно-технический прогресс и оборачивается для общества большими потерями» (Материалы Пленума ЦК КПСС. 25—26 июня 1987 г. М., 1987. С. 46). Не менее тяжелыми последствиями чревато и такое положение, когда отдельные лица или группы лиц присваивают себе право выступать в качестве единственных и полномочных представителей научной истины. Видимо, для гарантии от подобных явлений необходимы и какие-то организационно-структурные меры. Если, к примеру, один и тот же ученый возглавляет научно-исследовательский институт, заведует кафедрой, определяя концепции, которые усваиваются будущими исследователями, и возглавляет научный журнал, осуществляя выбор тематики и проблематики публикаций, то тем самым вольно или невольно создаются предпосылки для монополизации, для подмены состязания идей давлением авторитетов.

Еще одно обстоятельство. Мне, как философу, очень больно, что философия в те годы использовалась в качестве дубинки, а философы, выступали в роли идеологических дядек, которые должны были определять, что верно, а что неверно в конкретных научных теориях. Потом приходилось долгое время бороться с тем, чтобы переломить эту тенденцию. Но, увы, и сегодня приходится сталкиваться с тем, что философия отводится совершенно несвойственная ей миссия «идеологической цензуры» по отношению к специально-научному знанию, а мнение, высказываемое от лица философии, бывает основанием для вполне конкретных и весьма серьезных санкций. Очевидно, и эта сторона дела также не была проанализирована в должной мере, почему нам и приходится говорить о ней не только в прошедшем времени.

Вместе с тем надо заметить, что и со стороны биологов было нередким использование философских тезисов и положений в том же качестве дубинки, для того чтобы сразить оппонента по специально-научным вопросам. И это является неизжитым наследием тех времен, о которых мы сегодня будем говорить.

Надо сказать, впрочем, что те философы, которые в полной мере осознают свою профессиональную ответственность, вовсе не хотят мириться с ролью идеологических дядек. Существует немало специально-научных мировоззренческих проблем, которые могут быть решены лишь совместными усилиями, путем творческих и продуктивных контактов между естествоиспытателями и философами.

Я хотел бы напомнить также о том, что одна из наиболее острых и вызвавших широкий отклик публикаций с анализом и развенчанием лысенковщины была подготовлена философом Бонифатием Михайловичем Кедровым. Речь идет о статье «Пути познания истины. Раздумья о судьбах естествознания» (Новый мир. 1965. № 1).

Основательный разбор гносеологических и методологических сторон учения Т. Д. Лысенко был проведен в книге философа И. Т. Фролова «Генетика и диалектика» (М., 1968). В ней говорилось: «Материалистическая диалектика не имеет ничего общего с той вульгарной формой, которую ей пытались придать некоторые философы, некритически воспринимавшие, в частности, ошибочные взгляды Т. Д. Лысенко и его сторонников». Отмечая необходимость критического преодоления такой лжедиалектики, Фролов отмечал далее, что «необходимо преодолеть вместе с тем сам принцип, на основе которого осуществлялось „соединение“ философии с биологией вообще и с генетикой в частности, поскольку он противоречит сущности диалектики и может приводить лишь к ее дискредитации» (с. 10).

К сожалению, вскоре после появления книги на нее откликнулась резко отрицательной статьей газета «Сельская жизнь», и это критическое преодоление было приостановлено. Началась долгая полоса стыдливого замалчивания драматической истории советской генетики.

Так, даже в столь капитальном труде, как «История биологии с начала XX века до наших дней» (М., 1975), мы найдем лишь чрезвычайно приглушенные намеки на эти события. Из именного указателя к этой книге видно, что о Лысенко есть упоминания на с. 353—355, 357, 358. На двух последних страницах, однако, на самом деле Лысенко вовсе не фигурирует, а на с. 353—355 говорится лишь о его теории стадийного развития растений и о содержащихся в ней ошибках. И это все, что сказано в книге о событиях 30—40-х годов в нашей генетике! Может быть, они были сочтены не относящимися к истории биологии? Но ведь авторы нашли место для критики философских взглядов некоторых советских и зарубежных биологов.

Или взять такой факт. В предыдущем номере нашего журнала опубликована замечательная во многих отношениях статья Б. Л. Астаурова «О генетике и ее истории», которой журнал начал изучение трагического и вместе с тем славного многими яркими личностями периода истории нашей генетики 30—40-х годов. Хотя она, безусловно, соответствует профилю журнала, писалась эта статья для другого издания — для сборника избранных трудов Бориса Львовича. И жаль, что увидеть свет она смогла только в качестве исторического документа, свидетельствующего теперь уже об атмосфере полуправды и умолчаний, характерной для 70-х годов.

На нашей нынешней встрече выступают участники тех неблизких уже событий 30-х и 40-х годов, и предстоящее обсуждение — это в какой-то мере дань их научной принципиальности, жизненной стойкости и памяти тех, кого уже нет. Потому что художественная литература убедительно показала, что в этих сложных условиях дейст-

вовали, жили и боролись большие люди, крупные ученые, и нам негоже отказываться от такого наследия.

Ю. И. Полянский (член-корреспондент АН СССР, зоолог, президент Общества протистологов).

Хочу взять на себя смелость очертить всю проблему появления и развития лысенковщины в целом, в ее историческом развитии. Времени мне для этого дается мало, поэтому я заранее прошу извинить за схематичность изложения. А с другой стороны, может быть, такая схематичность и хороша, потому что она позволяет поставить точки над *i*, оттенив самое главное.

Первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции были временем расцвета биологической науки, да и не только биологической. Двадцатые годы— это годы великого взлета нашей науки, годы огромного энтузиазма, научного поиска. Развитие генетики в числе других биологических наук ставит советскую науку в первые ряды в мире. И это не громкие слова, а именно так оно и было. В Советский Союз приезжают из-за рубежа люди, чтобы учиться и работать (например, из США Г. Меллер, ближайший соратник Т. Моргана, и ряд других крупных ученых), получают здесь лабораторию, включаются в общий творческий поток развития науки. И это вполне понятно, потому что бурное развитие науки вытекает из сущности марксизма-ленинизма. Это созвучно тому, что хотел Ленин, его соратники и среди них замечательный ученый и коммунист Луначарский.

Несмотря на все трудности развития страны после империалистической войны, революции, гражданской войны, голода и разрухи, с огромным энтузиазмом трудятся ученые всех поколений. Назовем хотя бы немногих из них: Н. И. Вавилов, Г. Д. Карпентин в области генетики; М. М. и Б. М. Завадовские, А. А. Заварзин, Н. Г. Хлопин в области эмбриологии и гистологии; А. Н. Северцов, И. И. Шмальгаузен в области эволюционной теории и эволюционной морфологии; Е. Н. Павловский, К. И. Скрябин, В. А. Догель в области паразитологии; К. М. Дерюгин, Н. М. Книпович, Л. А. Зенкевич, С. А. Зернов в области гидробиологии; И. П. Павлов, Л. А. Орбели, А. А. Ухтомаровым в области физиологии; блестящая плеяда ботаников во главе с В. Л. Ковачем, И. Вернадский и многие-многие другие. Возникают новые направления в науке, научные школы.

И вот на фоне блестящего взлета советской науки, многие стороны развития которой были тесно связаны с практикой социалистического строительства (блестящий пример такой связи — Н. И. Вавилов), появляются новые черты. Я имею в виду лысенковщину и все, что ее окружало... Вероятно, в социально-экономическом и политическом плане это было обусловлено нарастающим культом личности Сталина. Сталин, убежденный в своей гениальности, очень слабо разбиравшийся в биологии, берет под защиту малограмотного в биологии агронома Т. Д. Лысенко, обещающего в кратчайший срок поднять на невиданную высоту сельское хозяйство Советского Союза, делает его «вождем» советской «мичуринской биологии», жестоко расправляясь при этом со всеми «инакомыслящими». То, что началось в начале 30-х годов, и то, что развилось дальше,— это жуткая картина разгрома советской биологической науки. Да, действительно разгром науки! И разгром этот велся не путем дискуссий, доказательств и т. д., а административным, политическим путем. Причем все это сопровождалось необычайной демагогией! Схема «борьбы» была примерно такова: «Ага, ты признаешь законы Менделя, значит, ты пособник империализма и враг народа!» Я нисколько не преувеличиваю. Все, кто пережил этот период, хорошо знают, что именно так оно и было. Эта картина характерна для развития биологии в нашей стране особенно во второй половине 30-х годов. Доходило до ужасных вещей. Ученые, не отказывавшиеся от основных научных положений, изгонялись с работы, лишались возможности преподавать и работать в науке, а некоторые при этом были репрессированы. Припоминаю один небольшой, но очень характерный эпизод.

В 1948 г. (уже после августовской сессии ВАСХНИЛ) я заведовал кафедрой зоологии и общей биологии в Педагогическом институте им. А. И. Герцена в Ленинграде, где читал курс генетики. Разумеется, я был уволен как «менделист-морганист». Та же участь постигла и моих сотрудников по кафедре. Среди них оказался и мой коллега

проф. Е. М. Хейсин — известный паразитолог-протозоолог. Его «дело» разбирали в райкоме КПСС Куйбышевского района Ленинграда. Первый секретарь райкома, умная, тактичная женщина, имени которой я не буду сейчас здесь называть (ее уже нет в живых), обращаясь к Хейсину, говорит: «Ну, что мне с вами говорить!? Вы же признаете хромосомы!» Вот уровень, вот линия. И это не выдуманный, а действительно имевший место случай. Тот, кто признает хромосомы, их существование в клетке, уже тем самым становится чуждым «передовой советской мичуринской науке», чуть не врагом народа. Не правда ли, чудовищный факт, если в него вдуматься!..

Но так как уничтожить науку не просто, то далее, перед самой Отечественной войной (начиная с 1937 г.), начался период физического устранения людей. К числу этих ученых относится прежде всего Николай Иванович Вавилов.

Никогда история не простит Сталину гибели выдающихся представителей советской науки.

Николай Иванович Вавилов был гениальный человек! Я счастлив, что знал его лично. Это уникальное явление в истории человечества, в истории науки — и по чистоте души и по преданности советскому строю, советской Родине!

Хорошо помню дискуссию 1939 г. при журнале «Под знаменем марксизма», в которой мне довелось участвовать. Николай Иванович сказал: «Мы на крест пойдем, а от своих убеждений не откажемся». Это и произошло. Но вместе с гибелью Николая Ивановича огромный ущерб понесла вся советская наука. Многие сподвижники Вавилова были репрессированы и физически уничтожены. Это породило, с одной стороны, необычайный страх среди людей науки, они стали бояться друг друга, стали бояться говорить о том, что думают. Дурные качества человека — приспособленчество и ханжество — проявились в полной мере. Далеко не все ученые сохранили чистоту мыслей и совести. Посмотрите, сколько людей тогда пошло на поводу этих «идей». А ведь на самом деле идей-то никаких не было! Иногда приходилось слышать о существовании двух направлений в науке, которые якобы спорили между собой: менделизм-морганизм и «передовая мичуринская биология» — лысенкоизм. Это глубочайшее заблуждение. Лысенкоизм как направления в науке нет. Это просто набор безграмотных утверждений, не имеющих никакого отношения к науке, мало связанных друг с другом и густо уснащенных наивным механоламаркизмом на уровне XIX в.! Все это «учение» о порождении видов, о том, как сосна порождает ель, а овсянка — кукушку, «учение» о «крупинках» нового вида, которые возникают в недрах старого, — весь этот уровень безграмотной болтовни говорит сам за себя. А ведь тогда утверждалось (и некоторые этому искренне верили), что это и есть «творческий дарвинизм». А на деле кощунственное осквернение науки, осквернение марксистско-ленинской методологии.

Наши писатели — В. И. Амлинский, Д. А. Гранин, В. Д. Дудинцев, выступившие с произведениями о судьбах биологии, совершили благородное дело, но эти произведения далеко не полностью освещают события тех лет.

Нужно сказать, что «идеи» Лысенко, к сожалению, довольно глубоко проникли в массы советских людей. Ведь нет ничего проще, чем утверждать, что организмы «усваивают» условия жизни и меняются соответственно этим условиям и что подобным образом, меняя условия, можно в кратчайший срок изменить наследственную природу организма. Сколько таких обещаний было дано Лысенко и его приспешниками, из которых ни одно не было выполнено... Ведь все это гораздо проще, чем изучать генетику, цитологию и т. д.

Ужасно, что эти «идеи» проникали в массу в значительной мере через школу. Возьмите учебники, по которым в период лысенковщины преподавали в средней школе, пропагандировали все эти не существующие в природе «законы наследования приобретенных свойств» и т. п.

На основе лысенковщины колоссальный вред был нанесен практике, и в первую очередь практике сельского хозяйства. По существу вся нормальная работа селекционных станций, племенных хозяйств, в основе которой лежат генетические закономерности, была ликвидирована. Вместо нормальной селекционной работы развивались мало-вразумительные «идеи» Лысенко и Презента о «браке по любви», о свободном опылении. Что это такое — сами авторы представляли себе довольно смутно.

Человеку, имеющему даже весьма скромные знания основ биологии, весь этот набор нелепостей представляется невероятным!

Когда после октябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС нормальное положение в науке было восстановлено, многое надо было начинать сызнова. Нужны были новые учебники и для средней школы, и для вузов. Нужно было, так сказать, проникнуть в души людей, сделать их нормально мыслящими. Мне пришлось активно в этом участвовать, потому что я вместе с коллегами писал учебник «Общая биология» для школы и в течение нескольких лет возглавлял журнал «Биология в школе». Надо было — после лысенковщины — учителям «мозги вправлять». Вся эта перестройка была невероятно тяжелой. Но она продолжается и по сей день, так как вновь появляются брошюры (их вышла уже целая серия), по существу прямо пропагандирующие лысенковщину. Я имею в виду брошюры Б. Г. Иоганзена, Е. Д. Логачева, которые вышли довольно большими тиражами. Пальму первенства в отношении попыток реабилитации лысенковщины держит Кемеровская область, ее отделение общества «Знание»¹. (Вопрос с места: «В каком году они вышли?») Они вышли в 1986 и 1987 гг. Это феноменально! Надо быть бдительными для того, чтобы подобная волна опять нас не захлестнула. Причем все происходит под флагом свободы дискуссий, свободы выражать свое мнение. Но дело в том, что это — не борьба мнений, а это — борьба против науки, поскольку все, что пишется в этих неолысенковских трудах, никакого отношения к науке не имеет. Таким образом, перед нами сейчас стоит задача не только дальнейшего развития советской биологии. Мы сейчас уже догоняем, а подчас и обгоняем Запад, в наших институтах осуществляется ряд прекрасных научных работ. Отрадно подчеркнуть, что в области биологии все теснее становится связь так называемой фундаментальной (теоретической) науки с практикой. Возникшая и развивающаяся на наших глазах биотехнология, генная инженерия и другие направления открывают поистине фантастические перспективы на пути управления живой природой.

Перед историками науки стоит важная задача. Нужна книга по истории биологии, где было бы показано, что такое лысенковщина и как она возникла. Нужно объективно, с марксистско-ленинских позиций изложить историю проблемы. Хотя еще в 1964 г. за истекшие четверть века ничего не сделано для анализа этого явления в советской науке. Более того, имеет место совершенно недопустимое стремление как-то «забыть» длительный и печальный период истории науки. Не определен масштаб того вреда, сельского хозяйства. Этот урон колоссален! Попробуйте сейчас написать книгу или статью, осуждающую Лысенко и лысенковщину — вам это дело «завернут» назад. Сколько раз приходилось мне слышать примерно следующее: «Ну, Юрий Иванович, зачем ворошить старое? Это было давно, не будем об этом писать».

Почему такое отношение к истории науки? Да потому, что многие люди, работающие и в настоящее время на некоторых административных должностях, не хотят показать себя в неприглядном виде.

С этой трибуны обращаюсь я к вам, сотрудники Института истории естествознания и техники. Ваш долг и ваша обязанность — в плане реальной перестройки науки — в ближайшие два года создать хорошую, правдивую книгу о периоде лысенковщины. Никто из нас за 20 лет не мог этого сделать, потому что нам этого не позволяли! Такие попытки были. В 60-х годах, например, биохимик Ж. Медведев написал объективный очерк об истории августовской (1948 г.) сессии ВАСХНИЛ. Именно тогда было дано указание Академии наук, в частности акад. Н. Н. Семенову, собрать специальную комиссию и выяснить, стоит ли печатать книгу Медведева. Такая комиссия была создана. В нее вошли Б. Л. Астауров, Б. Е. Быховский, М. Е. Лобашев, Ю. И. Полянский и др. (всех сейчас не припомню). Книгу размножили в 10 экземплярах, роздали членам комиссии. Несмотря на то, что люди в комиссии были разные, они высказались единодушно: книгу надо печатать и, чтобы все соответствовало исторической правде, создать редакционную комиссию (я, помнится, тоже вошел в эту комиссию). Экземпляры розданной нам книги мы вернули, и с тех пор (свыше 20 лет прошло!), как говорится, «ни гу-гу». Очевидно, где-то «в верхах» испугались издать эту книгу. Ну, а за рубежом она давно уже издана...

¹ См. Приложение, которое печатается после выступления Ю. И. Полянского.

Так или иначе, но аналогичная работа должна быть проделана и создать ее призван в первую очередь Институт истории естествознания и техники. Если я вам понадоблюсь как один из свидетелей тех мрачных дней, то я к вашим услугам.

Сейчас партия призывает к гласности, к демократии. Но одно дело — призывы, а другое — действительность! Так вот: лысенковщина до сих пор находится под надежной защитой тех, кто клянется перестройкой, а на деле ей всячески препятствует — «как бы чего не вышло!»

Хочу сказать несколько слов о том, что написали Амлинский, Граини, Дудинцев о генетике. Мы, ученые, должны поклониться им. Они написали правильно и честно! Они разрушили «заговор молчания» вокруг лысенковщины. В их романах, повестях есть ряд недостатков, ряд фактических неточностей, но не в этих деталях дело. Они вызвали огромный общественный отклик, к ним проявляется большой интерес. Хочу это проиллюстрировать одним примером. Совсем недавно, в конце мая этого года, научное студенческое общество биологов Ленинградского университета обратилось с просьбой ко мне и бывшему ректору ЛГУ акад. Александру Даниловичу Александрову рассказать, как было с лысенковщиной в нашем университете. Почему обратились к Александрову — он ведь математик? А потому, что Александр Данилович был одним из тех, кто нам, биологам, помогал восстанавливать генетику в университете. Только благодаря ему в 1963 г. удалось издать первый научный курс генетики М. Е. Лобашева. Это — мужественный человек, умный и честный. Так вот, в назначенное время иду на кафедру для беседы. И неожиданно вижу, что коридор забит студентами. Пришлось собрание перенести в большой университетский актов зал, вмещающий свыше 500 человек, да и его не хватило для всех желающих. Я честно рассказал, что было в 1948 г. Это произвело на студентов, я бы сказал, потрясающее впечатление. Они ведь об этом почти ничего не знали, в основном питались слухами... Особенно обострился интерес студентов к лысенковщине после того, как они прочитали произведения писателей, написанные на эту тему. Вот каков интерес молодежи к истории отечественной науки. Не удовлетворить этот интерес — значит совершить преступление против совести, против партии!

Извините меня, может быть, я выступил слишком эмоционально. Но разве можно советскому ученому спокойно говорить о том, что было с нашей наукой в период культа личности? Сейчас в стране происходит глубокая перестройка всей жизни в свете решений XXVII съезда КПСС и апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, открываются широкие перспективы и для развития биологии, которая будет служить народу.

Вопрос: Был ли Лысенко лично убежден в своих идеях или его действия были обусловлены конъюнктурными соображениями, жадной властью? (Около десятка сходных вопросов.)

Ответ. Я совершенно убежден, что Лысенко не сомневался в истинности своих «идей» и «теорий». Он был фанатиком, не допускавшим иной, чем его собственная, точки зрения. Мне неоднократно приходилось слушать его выступления и даже несколько раз беседовать с ним. (Как это ни странно, мы однажды оказались по назначению ВАКа «черными оппонентами» по одной докторской диссертации и, разумеется, дали диаметрально противоположные рецензии: я — положительную, он — резко отрицательную.

Диссертация, как и следовало ожидать, была провалена.) Он, может быть, был неплохим агрономом-практиком, но объем биологических знаний у него был чрезвычайно мал — это следовало из каждого его выступления. Свообразным было и его отношение к экспериментальным данным. На конференции, которую проводил журнал «Под знаменем марксизма» в 1939 г., Ю. Я. Керкис привел огромный фактический материал о реальности закона расщепления Менделя, а также неопровержимые экспериментальные данные об отсутствии вегетативной гибридизации у томатов. На это присутствовавший здесь же Лысенко сказал примерно следующее: «Ну что же из этого следует? Если ставишь опыт, то хотеть надо получить нужный результат, а если не хочешь, то ничего и не получишь...» Вот такое отношение к эксперименту! «Хотеть надо!» У меня нет оснований утверждать, что Лысенко сознательно подтасовывал факты. Полагаю, что этого не было. Но в его окружении такое бесспорно имело место. Большинство опытов по вегетативной гибридизации проводилось на статистически недостоверном материале, и выводы получались такие, как надо.

Вопрос: Чем занимались после 1964 г. Лысенко, Президент? (Ряд записок.)

Ответ: Лысенко и его ближайшим сподвижникам была оставлена опытная база в Горках Ленинских под Москвой. Здесь продолжались опыты по получению жирномолочной породы рогатого скота на основе гибридизации и своеобразного режима питания. Ничего из этого не получилось. Специальная комиссия АН СССР под председательством акад. Б. Е. Быховского дала отрицательный отзыв о результатах этих работ, который был опубликован в «Вестнике АН СССР».

Вопрос: Насколько исторически правдива повесть Д. А. Гранина «Зубр» (Несколько сходных записок.)

Ответ: В основном повесть «Зубр» исторически правдива, и это очень важно, ибо она имеет огромный общественный резонанс. Я мог бы сделать несколько мелких замечаний, уточняющего характера, они не принципиальны. Спасибо, Даниил Александрович, за Ваш труд!

Вопрос: Что у нас напечатано по истории генетики того периода?

Ответ: Я уже говорил в своем выступлении, что напечатано очень мало, и по существу советские люди пребывают в неведении о лысенковщине и ее значении. Но все же некоторые публикации есть. Наибольшее значение имеют публикации И. Т. Фролова, в частности его книга «Генетика и диалектика», в которой дается справедливая оценка лысенковизма.

Вопрос: Выше отношение к статье Н. П. Дубинина «О наследовании генетическом и социальном», напечатанной в журнале «Коммунист»?

Ответ: Я считаю, что Николай Петрович недооценивает роль биологического фактора в становлении человеческой личности, в формировании духовного облика человека. В свое время я написал об этом в редакцию «Коммуниста», но мои соображения не были опубликованы. Недавно появилась статья акад. Д. К. Беляева «Генетика, общество, личность» (Коммунист, 1987, № 7. С. 90). Мне кажется, что взгляды Беляева гораздо ближе к истине, и я с ним солидаризируюсь.

Вопрос: Расскажите, как сложилась ваша личная судьба после сессии ВАСХНИЛ?

Ответ: В августе 1948 г. я был в составе советской делегации на Международном зоологическом конгрессе в Париже, где выступал с докладом. По возвращении в СССР я узнал, что я отовсюду уволен как идеологически чуждый «менделист-морганист». Пытались меня исключить и из партии, но не удалось. Я активный участник Отечественной войны. Несколько месяцев был безработным. Средства к существованию добывал переводами, благо неплохо знаю западноевропейские языки. Затем меня пригласил работать в Заполярье на Мурманскую биологическую станцию АН СССР В. В. Кузнецов, ранее учившийся у меня в университете. Я с радостью согласился. 4 года проработал на Мурмане (губа Дальнезеленечская). Это были очень продуктивные годы моей научной деятельности — сиди и работай! (условия, конечно, были нелегкие). За эти годы я выполнил ряд работ по паразитологии рыб Баренцева моря и по экологии (температурным адаптациям) литоральных беспозвоночных. Затем меня пригласили в Петрозаводск, где я организовал Институт биологии местного филиала АН СССР и несколько лет был его директором. В 1955 г. скончался мой учитель В. А. Догель. Я был избран по конкурсу на заведование кафедрой зоологии беспозвоночных и вернулся в Ленинград. Таков мой «жизненный путь» после сессии...

Вопрос: Как отразились на развитии биологии работы О. Б. Лепешинской?

Ответ: Я не остановился на этом вопросе в моем выступлении просто по недостатку времени. «Теория Лепешинской о «происхождении клеток из живого вещества» — это пример феноменальной безграмотности, поддержанный Лысенко (им написано предисловие к ее книге, получившей Сталинскую премию). И самое ужасное заключается в том, что «учение» Лепешинской было признано выражением передовой биологической мысли, оно было, так сказать, «знаменем» советской цитологии и гистологии. Отказ признать Лепешинскую был равносильен уходу с работы! И многие наши ученые были вынуждены «признать» «великие достижения» Ольги Борисовны. Я далек от мысли осуждать их за это, ибо обстановка была поистине устрашающей. Самое трагическое заключалось в том, что нелепость высказываний Лепешинской для всех была очевидна, и вместе с тем говорить о ее «великих достижениях» была вменена в обязанность всем преподавателям вузов! Тяжелое было время в годы культа личности...

Вопрос: Скажите, какова была судьба Г. Д. Карпеченко?

Ответ: Выдающийся соратник Н. И. Вавилова Георгий Дмитриевич Карпеченко был репрессирован и погиб в заключении.

Вопрос: Как получилось, что лысенковский бред стал материалом для научной дискуссии? (Много записок, по-разному формулирующих этот вопрос).

Ответ: Все мое выступление в какой-то степени было попыткой ответить на этот вопрос. Лысенковщина в советской биологии — прямой результат культа личности Сталина, человека, слабо разбирающегося в биологии, но имеющего свою «точку зрения». Биология не явилась ведь единственной точкой приложения «гениальности» Сталина. Припомните научную сессию 1950 г., посвященную физиологии, учению И. П. Павлова, которая привела к разгрому крупнейшего ученого, преемника Павлова, Л. А. Орбели. Припомните вторжение Сталина в область языкознания. Все это единые звенья культа личности. Требуется глубокий исторический анализ всех этих явлений, и я убежден, что происходящая в нашей стране глубокая перестройка, в том числе и мышления, сделает невозможным повторение уродливых явлений культа в будущем.

[Приложение. Из письма Ю. И. Полянского В. В. Бабкову от 26 июня 1987 г.]

«...Получил Ваше письмо, в котором Вы выражаете вполне, по-моему, обоснованное беспокойство по поводу активности рецидивов лысенкоизма в лице двух лысенковцев — Иоганзена и Логачева. Все, что они пишут, настолько безграмотно и архаично, что может быть не стоило тратить время (которого всегда не хватает) на „опровержение“ их писаний. К науке их „творчество“ просто не имеет никакого отношения. Но, увы, тут есть одна сторона, которую нельзя „сбрасывать со счетов“. Не так-то уж далеко то время, когда все то, о чем они пишут, признавалось „передовой прогрессивной мичуринской биологической наукой“. Не мне Вам об этом писать... Еще осталось немало лиц, работающих в разных областях народного хозяйства и просвещения (учителя средней школы), которые изучали весь этот бред в школах средних и высших... Их такого рода „откровения“ могут сбить с толку и вернуть в лоно лысенковщины, что может иметь самые вредные последствия особенно сейчас, когда страна напрягает все силы для перестройки всех сторон жизни на новые, лучшие рельсы. Неолысенковцы весьма активны — они широко рассылают свои брошюры. Идеи свои преподают в школах (вузах). Легко можно себе представить, какие знания будут у врачей, окончивших Кемеровский мединститут, по основным вопросам генетики...² Ведут они активное наступление и против учебника «Общей биологии» для средней школы, выходящего под моей редакцией и с моим авторским участием. Разумеется, лысенковщины в нашем учебнике нет, и это вызывает ярость „неолысенковцев“. Одним словом, „не замечать“ их нельзя, и надо не только обороняться, но и наступать... Итак, вот какие брошюры ими написаны (авторы всюду одни — Б. Г. Иоганзен и Е. Д. Логачев):

1) «И. В. Мичурин и современная биология». Изд. Кемеровского медин. института, 1985. 55 с.

2) «Основной биологический закон Рулье-Сеченова». Изд. то же, 1986. 25 с.

3) «Основная дискуссионная биологическая проблема XX века (о наследовании приобретаемых свойств)». Изд. то же, 1987. 32 с.

Все эти брошюры имеют подзаголовок «Методические рекомендации для оптимизации изучения вопросов теоретической биологии». Таким образом, они специально ориентированы на широкую аудиторию, которую авторы хотят обратить в свою лысенковскую веру...

Кое-что предпринимается для нейтрализации этого рецидива лысенковщины. В. А. Струнников в журнале „Цитология и генетика“, 1986, т. 20, № 5, стр. 386, опубликовал подробную рецензию на одну из названных выше брошюр, в которой поставил все точки над *i*. Ряд членов АН СССР биологов вместе с некоторыми членами АМН и ВАСХНИЛ обратились с письмом в ЦК КПСС. В сокращенном виде это письмо опубликовано.

² Круг молодых людей, среди которых распространяется представление о безвредности монополии группы Т. Д. Лысенко — И. И. Презента, далеко не ограничивается студентами Кемеровского мединститута. В статье «История умалчивает...», опубликованной газетой «Известия» от 28 июля 1987 г., педагог В. Свирский, разбирая пороки новых учебников истории СССР для 9—10-х классов (изданных в 1985—1986 гг.), справедливо характеризует трактовку сессии ВАСХНИЛ 1948 г. в учебнике для 10-го класса как «издевательство над здравым смыслом, наукой и (биологической и исторической) памятью». — *Прим. ред.*

ликовано в газете „Сельская жизнь” за 18 июня 1987 г., № 139. Статья озаглавлена „Вопреки научной истине”. авторы Н. Дубинин, А. Иванов, А. Тахтаджян, И. Раппопорт, Ю. Полянский, В. Струнников, А. Яблоков, Н. Бочков, А. Созинов. Как видите, компания довольно впечатляющая. К этой статье от редакции сделано хорошее примечание. „Неолысенковцы”, демагогически используя современные призывы к гласности и демократии, требуют права вести дискуссию, подчеркивая мысль о том, что, дескать спорят два научных направления. Против такой трактовки следует решительно возражать! „Спор” идет между наукой, строго доказанными научными положениями, и антинаучным безграмотным бредом (все равно, как устроили бы, скажем, диспут между медицинской и знахарством или что-нибудь в подобном роде...). Понятно, жаль тратить время чёрт знает на что, но, вспоминая уроки 1948 г., нельзя молчать...»]

Д. В. Лебедев (ботаник, историк науки).

Мне кажется, прежде всего надо отметить парадоксальность нашего сегодняшнего собрания. Мы собрались для того, чтобы обсудить, как отражены вопросы истории генетики в художественной литературе. Начать же надо было с того, как они отражены в научной литературе. Но, увы, ее нет!

Юрий Иванович об этом уже сказал, я же хочу добавить несколько слов. Во время своего юбилея три года назад он выступил с докладом «Жизнь ученого», рассказав, как зоологов проректором Ленинградского университета, а вернулся безработным. Он доложил: «Нам запрещают говорить об этих событиях — „незачем ворошить прошлое”, но с тем, чтобы не допустить их повторения». Тогда приветствовавший его эстонский зоолог сказал: «Дорогой Юрий Иванович, если Вы и после этого выступления останетесь без работы, мы приглашаем Вас к себе!».

Действительно, на протяжении всего времени, за исключением небольших «окон», запрещалось публиковать что-либо о трагедии советской биологии, а то немного, что было написано, оставалось в ящиках письменных столов. Появился шанс начать историко-научное исследование, когда в «Науку» поступила рукопись Ж. А. Медведева, но он не был использован. Сам же Медведев был отправлен в психиатрическую больницу, к счастью, ненадолго. Энергичные меры были предприняты не только учеными (прежде всего акад. Б. Л. Астауровым), но и писателями, в том числе А. Т. Твардовским и Д. А. Граниным.

Книга Медведева все же вышла, но уже за рубежом. Вообще за границей вышло не одно исследование на эту тему. Появилась и книга М. А. Поповского, имевшего, как известно, доступ к материалам судебного дела Николая Ивановича Вавилова и неоднократно выступавшего у нас с этими материалами. Я не читал саму книгу, но из рецензий знаю, что он ее опубликовал. Таким образом, нравятся нам это или нет, они введены в научный оборот, и делать вид, что их нет, бессмысленно. С ними надо считаться.

Исследуя историю нашей биологии в целом и в особенности генетики, очень важно прежде всего выяснить: почему такая беда обрушилась на биологию и сельскохозяйственную науку? Почему не было «передовой советской геологии», «передовой советской физики» и т. д., а на наше горе была «передовая советская биология»? Чем это объясняется? Большие неприятности в период культа личности были у всех, в том числе и у геологов и физиков, но к таким трагическим последствиям, как у биологов, они не привели.

Первая задача историков — выяснить, какими причинами объясняется острота ситуации в биологии. Было бы ошибочным сводить все к особенностям личностей Лысенко и Презента, с одной стороны, Сталина и Хрущева — с другой. Я полагаю, что имеются более глубокие причины социально-экономического характера, и они коренятся в тяжелом состоянии нашего сельского хозяйства. (Подъем его в то время зависел не от агрономической науки, а от мер социального порядка — создания материальной заинтересованности крестьянина.) На этом фоне и развернулись личные «научные» симпатии Сталина. А такие симпатии вызвал Лысенко с его обещаниями очень быстро и без

затрат поднять урожайность любых культур. Иначе обстояло дело в технике, особенно оборонной. Здесь и Сталину и Хрущеву приходилось считаться с настоящими учеными, и безграмотным демагогам было труднее завоевать власть. Но это только гипотеза, требующая серьезного обоснования.

Есть еще одна существенная особенность биологической трагедии. Вавилов был жертвой сталинского террора. Это ясно всем. Но когда мы говорим о большинстве сталинских жертв и спрашиваем — за что и почему?, обычный ответ — ни за что и неизвестно почему. В отношении же Вавилова ответ иной. Мы знаем, за что и почему, знаем, в чем он виноват! Он, действительно, «виноват» — в том, что боролся за свободное развитие науки, против ее подчинения диктату невежественных «корифеев», он защищал подлинную науку и боролся против лженауки и мракобесия. Вавилов боролся против Лысенко и лысенковщины, прекрасно зная, что лысенковщину поддерживал лично Сталин. Он боролся, отлично это понимая, против Сталина.

Кстати, насчет термина «лысенкоизм». Мы же говорим не «махноизм», а «махновщина». Надо говорить «лысенковщина». Никакого другого термина не может быть!

До сих пор ничего точного о последней встрече Сталина с Вавиловым не было известно. Сейчас об этом рассказал один из замечательных вавиловцев — Ефрем Сергеевич Якушевский, крупный специалист по культуре сорго. 28 ноября 1939 г., возвращаясь с Кубани в Ленинград, он остановился в Москве, чтобы доложить Николаю Ивановичу о своих работах. Вавилов пригласил его к себе домой. Он сказал Ефрему Сергеевичу: «Знаешь, наше дело швах. Придется идти на крест, но от своих убеждений я не откажусь». Оказывается, 20 ноября он был у Сталина. Прием был назначен на 10 часов вечера, но пустили его в кабинет Сталина только в час ночи. Сталин ходил по кабинету с трубкой в руке. Вавилов поздоровался: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович!» Сталин на приветствие не ответил, а сказал: «Ну, что, гражданин Вавилов, и дальше будете заниматься цветочками-колосочками? А когда будете помогать поднять урожайность?» Вавилов начал объяснять ему, чем занимаются его институты, какие результаты должны быть получены в ближайшем будущем и в перспективе. Вавилов стоял, Сталин ходил и было видно, что ему все это безразлично. Когда Вавилов кончил, Сталин сказал одно: «Вы свободны». Но быть на свободе ему оставалось меньше 10 месяцев. Через 10 месяцев он был арестован, а за ним последовали мои дорогие учителя Георгий Дмитриевич Карпеченко, Григорий Андреевич Левитский, Леонид Ипатьевич Говоров. Все они погибли в тюрьмах...

Анализируя события того времени, мы можем четко сказать, что борьба Вавилова против Лысенко была единственной оппозицией Сталину, оппозицией совершенно сознательной. Это был уникальный случай в то время. Лысенковцы говорили, что идет классовая борьба — борьба пролетарской науки против науки буржуазной. Это, конечно, ерунда, таких наук нет и не может быть, но борьба действительно носила политический характер. Это была политическая борьба, борьба против извращения социализма, против преступной политики Сталина в области науки.

Конечно, Вавилов не был одинок, у него были соратники, главным образом из числа генетиков, но тогда, в 30-е годы, большинство биологов не понимало, что существо борьбы не сводится к конкретным вопросам, что речь идет о гораздо более серьезном — о том, как будет развиваться наука вообще. Только гораздо позже была осознана опасность большинством биологов, и в 50-х годах на линию фронта вышли представители всех разделов биологии.

Особенное значение имело осознание смысла борьбы в биологии и ее важности для развития советской науки в целом физиками, химиками, математиками. Когда в 1955 г. в ЦК КПСС было направлено известное «Письмо Трехсот»³ с развернутой критикой лысенковщины, его поддержали многие крупнейшие наши ученые, активно включившиеся в работу по возрождению советской генетики. В первую очередь надо назвать П. Л. Капицу, И. В. Курчатова, М. А. Лаврентьева, А. Д. Сахарова, Н. Н. Семенову, И. Е. Тамма. Сердечное спасибо им за это!

Необычной была и реабилитация Николая Ивановича Вавилова и его соратников. Она по существу растянулась на 30 лет. Юридическая реабилитация состоялась в 1955 г. После того можно было свободно писать о нем, издавать труды, воспоминания. Я пом-

³ См. Приложение, помещенное после выступления Д. В. Лебедева.

ню, как замечательный человек и настоящий борец за научную правду П. А. Баранов сказал тогда своим друзьям: «Превратим юбилей Мичурина в юбилей Вавилова». И сразу в нескольких статьях нам удалось известить научную общественность об этом радостном событии. Но на самом деле реабилитация не была полной, Вавилов и его соратники погибли в борьбе с лысенковщиной, а она продолжала пользоваться официальной поддержкой Хрущева. Больше того, после разгона редколлегии «Ботанического журнала» в декабре 1958 г. стала невозможной какая-либо критика Лысенко. Только раз каким-то чудом проскочила критическая статья в «Неве» В. С. Кирпичникова и Ж. А. Медведева.

Даже после того как в октябре 1964 г. был смещен Хрущев, на многих важных постах оставались люди, вся карьера которых основывалась на том, что они были ближайшими людьми к Лысенко. Так, Сисакян был главным ученым секретарем Президиума АН СССР, Столетов — министром высшего и среднего образования РСФСР. Самое же главное — нельзя было писать правду о судьбе Вавилова. Приходилось обходиться эвфемизмами: «его работа прервалась», «экспедиция была прервана» и т. п. Вы скажете, что это относилось в те годы ко всем репрессированным. Верно, но здесь еще одна особенность. В отношении большинства мы не можем назвать виновников репрессий, а здесь мы можем это сделать, начиная со Сталина, который виновен в гибели Вавилова.

В гибели Вавилова виновны также Лысенко и Презент, в течение многих лет трагичнее его. Презенту в апреле 1941 г. на объединенном собрании комсомольцев биологического и философского факультетов Ленинградского университета был задан вопрос: «Где Вавилов?» И мы услышали: «Отвечу словами Писания — разве я сторож брату в аресте Николая Ивановича. Виноваты также сотрудники НКВД, которые вели дело Вавилова: Хват и Шунденко. Последнего Лысенко в свое время назначил заместителем Вавилова для того, чтобы сделать ему невыносимой жизнь. С этой должности он перешел на службу в НКВД. Нельзя не упомянуть и доносчиков, в первую очередь Шлыкова.

1987 год — год столетия со дня рождения Николая Ивановича Вавилова. Когда мы в Комиссии АН СССР по сохранению и разработке его научного наследия готовили план празднования юбилея, было намечено, какие публикации должны выйти в свет. Мы планировали сборники его трудов, воспоминаний, научные статьи, развивающих идеи Вавилова, но не была запланирована художественная литература. А она вышла! В. Д. Дудинцева явились превосходной увертюрой к празднованию Вавиловского года. Они очень разные, но я не буду их сопоставлять, отмечать их достоинства и недостатки. Сегодня я хочу, дорогие авторы, только низко поклониться вам.

[Приложение. Справка о «Письме Трехсот»⁴.

По-видимому, первым из обращений в вышестоящие органы по поводу тяжелого положения советской биологии, которые стали поступать туда после смерти Сталина, была «Записка» А. М. Эмме. Он направил ее Председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову еще в августе 1953 г. В ней вместе с документальными материалами было около 100 страниц. Эмме предлагал создать партийно-правительственную комиссию по расследованию преступной деятельности группы Лысенко, Презента и др. Всего было перечислено около 20—30 человек.

Вскоре об этом стало известно в Ленинграде; и в ЦК КПСС и Совет Министров стали писать ленинградские биологи, в том числе В. С. Кирпичников, Ю. М. Оленов, А. Л. Тахтаджян. Так как никакой реакции на эти демарши не было, возникла мысль о коллективном обращении. Было известно, что к «коллективкам» отношение у началь-

⁴ «... Буду рад, если в приложении к моему выступлению будет помещена справка о „Письме Трехсот“, которую прилагаю. Ведь об этом событии никогда не упоминалось в печати, а оно заслуживает того! В истории советской науки оно должно, наконец, найти причитающееся место. Поэтому я с радостью посылаю справку.

К сожалению, мы не можем вспомнить точную дату направления письма в ЦК. Было это осенью 55-го, причем передавалось двумя порциями, так как после передачи его по назначению выяснилось, что имеется много желающих присоединиться к нему...» (Из письма Д. В. Лебедева к В. В. Бабкову от 28 июня 1987 г.)

ства весьма отрицательное, но адресаты не могли не понимать, что такое письмо свидетельствует о серьезной озабоченности авторов, сознательно рискующих вызвать недовольство.

Инициаторами и авторами письма были сотрудники Ботанического института им. В. Л. Комарова Д. В. Лебедев и В. Я. Александров и сотрудник лаборатории Д. Н. Насонова в Зоологическом институте Ю. М. Оленов. Предполагалось, что будет собрано два-три десятка подписей, но дела развивались иначе. О подготовке письма знал директор Ботанического института чл.-кор. АН СССР П. А. Баранов, бывший одной из главных фигур в борьбе с лысенковщиной, правой рукой акад. В. Н. Сукачева. У этого замечательного человека был настоящий темперамент борца, и он, ознакомившись с текстом, сказал: «Вас будут спрашивать: а почему нет подписи Баранова? — и я должен подписаться первым». Вторым подписался Насонов, и дело пошло. Сначала были собраны подписи ленинградцев. Баранов отвез письмо в Москву, и к сбору подписей подключился Н. П. Дубинин. Уже не организаторы искали согласившихся подписать обращение, а желающие поставить подпись искали организаторов. Всего было собрано 297 подписей, и письмо передали в ЦК КПСС вместе с сопроводителькой, подписанной Барановым и Дубининым.

В письме на 23 страницах характеризовалось положение в биологии, а заканчивалось оно шестью предложениями: 1) гласное дезавуирование августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г.; 2) восстановление дарвинизма, генетики и цитологии в селекционной работе, в научно-исследовательских институтах и в преподавании; 3) организация подготовки биологических кадров, владеющих современными методами исследования, особенно в генетике, способных преодолеть отставание от мировой науки; 4) смена руководства ВАСХНИЛ; 5) смена руководства Отделения биологических наук АН СССР и академического Института генетики; 6) пересмотр редакций научных журналов и биологической редакции «Советской энциклопедии».

К нашему письму было приложено короткое письмо физиков и химиков. Они писали, что, не будучи биологами, видят, какой вред наносит положение в биологии всей советской науке, и поддерживают биологов. Под ним стояли 24 подписи, в том числе М. А. Арцимовича, В. Л. Гинзбурга, Я. Л. Зельдовича, П. Л. Капицы, И. Л. Кнунянца, М. А. Лаврентьева, Л. Д. Ландау, М. А. Маркова, А. Б. Мигдала, А. Д. Сахарова, И. Е. Тамма, Г. П. Флерова, Ю. Б. Харитона. Подписал его также экономист Е. С. Варга.

С письмом были ознакомлены и полностью его одобрили И. В. Курчатов и А. Н. Несмеянов, но они, как члены КПСС, подписать не могли. Они сказали, что поддержат наше выступление непосредственно перед Хрущевым. Разговор этот состоялся. Хрущев негодовал и назвал письмо «возмутительным». Но несмотря на это, оно имело несомненно положительное значение, объединив в борьбе против лысенковщины не только биологов самых разных специальностей, но и представителей других естественных наук. После этого были организованы генетические лаборатории в Институте атомной энергии, Институте химической физики и создан Институт цитологии и генетики в Новосибирске. Лысенко ушел с поста президента ВАСХНИЛ (хотя и ненадолго), А. И. Опарина в руководстве Отделения биологических наук сменил В. А. Энгельгардт...]

(Продолжение следует)